

Критика и библиография

С.В. Зверев, А.М. Пашков,
Е.В. Пчелов

История научной геральдики в России как объект фальсификации: о книге О.Н. Наумова

На всё бросая новый взгляд,
В котором мало очень толку,
Он силится продеть канат
В псевдо-учёную иголку.

<...>

Манера эта пыль пустить
И похвалиться знаньем дела
Невежду может удивить
И всем ужасно надоела.

Е.Е. Люценко, 1870 г.

Вынесенные в эпитаф два четверостишия из написанной почти полтора века назад шуточной оды археолога Е.Е. Люценко (1806–1884) касались методов исследований некоторых его коллег того времени. Но эти слова, с иронией или без, вполне актуальны и сегодня в отношении публикаций продолжателей подобного стиля работы.

Примером служит книга О.Н. Наумова «Научная геральдика России» (М., 2013). В аннотации к ней указано, что автор предлагает «оригинальную концепцию становления и эволюции геральдического знания», а также особо подчеркнуто, что докторская диссертация автора, которая легла в основу данной монографии, была официально признана ВАК РФ «лучшей диссертацией по историческим наукам в России за 2004 г.». Эта информация еще раз повторена в тексте самой книги и, по-видимому, должна не только придать «официальный» статус изложенному в ней взгляду, но и обезопасить автора от возможной критики. Понятно, что вполне

заслуженно была дана высокая оценка масштабам и объемам диссертационного исследования, знанию соискателем ученой степени библиографии геральдики и широкому аннотированному обзору более ранних публикаций по теме. Но сами выводы и замечания автора при этом вовсе не подлежат «канонизации». В области вспомогательных исторических дисциплин немало примеров диссертаций, блистательно выполненных и оказавших заметное влияние на развитие науки, многие выводы которых были позднее значительно уточнены или даже опровергнуты. Времена «единственно правильных» учений и «официально признанных» концепций в науке, будем надеяться, миновали, и мы позволим себе остановиться на содержательной стороне дела, попытавшись выяснить особенности авторского видения истории научной геральдики в России. Сразу заметим, что авторская концепция действительно оказывается на поверку весьма «оригинальной».

Уже во введении книги автор критикует историографические разделы о геральдике в работах предшественников за «обзорность, отсутствие концептуального подхода, избирательность информации» (С. 9). Но дальнейшее ознакомление с книгой убеждает, что последний из перечисленных недостатков в полной мере характерен для самой работы О.Н. Наумова. Представить себе более избирательную и необъективную историю русской научной геральдики сложно.

Прежде всего, автор без ложной скромности берет на себя роль некоего строгого судьи, в изобилии раздающего нелицеприятные характеристики работам предшественников и коллег. Например, раздел о геральдике в учебном пособии «Специальные исторические дисциплины», написанный М.Ю. Медведевым (авторство которого не указано, вероятно, сознательно), охарактеризован как «неполный», «отрывочный» экскурс, зависимый от «субъективных, предвзятых оценок, искажавших общую картину дисциплины» (С. 15). «Полностью ошибочными» следует, по мысли автора, оценивать «рассуждения» о геральдике В.В. Румянцевой (С. 12). И подобные примеры далеко не единичны. О.Н. Наумов точно знает, что правильно и неправильно, верно и неверно, внося тем самым в свой текст тот самый субъективизм, в котором столь охотно обвиняет других.

Уважение к предшественникам, несмотря на все возможные недостатки их трудов, – один из основополагающих принципов научного знания, а уважение к учителям – и вовсе вопрос не только научный, но и этический. И здесь следует обратить внимание на те способы, с помощью которых автор создает свою версию истории научной геральдики в России.

В предлагаемом О.Н. Наумовым списке «ведущих специалистов в области геральдики и иных исторических дисциплин» за все время ее существования как науки, вплоть до сегодняшнего дня (С. 17), читатель не найдет ни Е.И. Каменцевой (хотя присутствует Н.В. Устюгов), ни А.Л. Хорошкевич, ни И.В. Борисова, ни Г.И. Королёва, ни Р.А. Симонова, ни А.П. Черныха, ни М.Ю. Медведева, ни О.И. Хоруженко, ни П.А. Дружинина, ни других авторов, чьи труды внесли немалый вклад в геральдическую науку. Зато в нем присутствует, например, Г.В. Ражнёв – автор весьма сомнительных с научной точки зрения сочинений. Уже этот список однозначно свидетельствует о характерном для монографии О.Н. Наумова субъективном подходе.

По отношению к «неугодным» ему авторам О.Н. Наумов выбирает две основные стратегии. Первая стратегия – замалчивание. В книге просто не упоминаются труды тех исследователей, которых он стремится вычеркнуть из истории отечественной научной геральдики. И это при том, что достоинством собственной работы автор признает анализ (!) нескольких тысяч трудов российских геральдистов. О.Н. Наумов – хороший библиограф, но результаты его работы в этой области слабо отразились в представленной книге. В его арсенале есть и еще один способ – по возможности не упоминать авторства тех разделов о геральдике, которые вошли в коллективные труды, например в учебные пособия. Так, автором геральдического раздела учебника «Введение в специальные исторические дисциплины» (М., 1990) является А.П. Черных, а учебника «Специальные исторические дисциплины» (СПб., 2003) – М.Ю. Медведев. Однако узнать об этом из текста книги невозможно. Вторая работа вообще характеризуется О.Н. Наумовым как воплощение «амбициозных устремлений автора, когда вместо общепринятых норм излагалась личная позиция, не получившая признания науки», сопровождаемое рисунками «чрезвычайно низкого художественного качества» (с. 355). Иными словами, делается все, чтобы как можно реже встречались фамилии «нелюбимых» Наумовым авторов в тексте его книги.

Вторая магистральная стратегия автора – это стремление всеми силами дезавуировать научное значение геральдических работ некоторых ученых в тех случаях, когда не упомянуть их труды просто невозможно. Особенно ярко это проявляется по отношению к научной школе Историко-архивного института, выпускником которого, кстати, был сам О.Н. Наумов. Хотя «достаётся» и многим другим исследователям.

Особенно неприятное впечатление производит сделанное О.Н. Наумовым без каких-либо пояснений изменение оценок деятельности ряда ученых на диаметрально противоположные. Ведь раньше, при жизни теперь столь неприятных автору лиц, он писал об их научном творчестве совершенно иное – да оно и понятно, тогда в этих исследователях он был заинтересован лично: Е.И. Каменцева (1920–2004), например, была научным руководителем его кандидатской диссертации, а И.В. Борисов (1937–2011) – одним из официальных оппонентов. Поэтому в своих статьях того времени он писал о большой научной и организаторской деятельности Е.И. Каменцевой с, казалось бы, искренним уважением (*Наумов О.Н. Е.И. Каменцева и научные семинары в Историко-архивном институте // Гербовед. М., 1995. № 7. С. 6–8*). И.В. Борисов также характеризовался им самым положительным образом (*Наумов О.Н. Игорь Владимирович Борисов и отечественная геральдическая историография // Гербовед. М., 1997. № 17. С. 4–11*).

Но теперь именно с ними О.Н. Наумов «расправляется» особенно безжалостно. Полностью вычеркнуть из науки эти имена ему не удастся, а вот представить их ничтожными эпитонами он старательно пытается. Учебник Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова – единственный, по сути дела, учебник по геральдике в советское время, сыгравший колоссальную роль в сохранении преподавания и исследования геральдики в тот период, охарактеризован О.Н. Наумовым как пример «квазиучебной» (!!!) литературы. Некоторые разделы, по его мнению, изложены «бегло», с «фактическими неточностями», для учебника характерны «серьезные теоретические просчеты, методическая несостоятельность, пропуски целых разделов и проблем», «минимальное количество случайно избранной информации» и т. д. и т. п. (С. 278–280). О.Н. Наумов не постеснялся даже привести цитату Н.В. Устюгова из личной переписки, в которой тот резко отозвался об одном из разделов учебника, написанного Е.И. Каменцевой, как пример для подтверждения собственных выводов. Оставляя в стороне моральную корректность таких приемов, следует помнить об особенностях источников личного происхождения: одно дело личный разговор, а другое – публичная оценка. И делать подобного рода мнения подтверждением собственных сомнительных выводов ни с научной, ни с этической точки зрения неоправданно.

Поразительно, что, по мысли Наумова, его учитель Е.И. Каменцева в научной геральдике больше никакого следа не оставила. Ни словом не упоминается даже основанный ею в Историко-архивном

институте Научный семинар по геральдике, существующий до сих пор и издавший несколько сборников своих трудов, а также с 2003 г. и поныне публикующий ежемесячный бюллетень – все это теперь О.Н. Наумов считает недостойным упоминания. Это раньше он писал о созданном Е.И. Каменцевой Геральдическом семинаре: «Ей удалось реализовать на практике новый для нашей исторической науки к 1980-м гг. способ организации исследовательской деятельности, имеющий важное значение ещё и потому, что использован по отношению к узкой области вспомогательных исторических дисциплин» (*Наумов О.Н.* Е.И. Каменцева и научные семинары в Историко-архивном институте. С. 8). Теперь эти свои слова О.Н. Наумов нарочито «забыл».

Классификацию вспомогательных исторических дисциплин, предложенную Е.И. Каменцевой, О.Н. Наумов ныне считает несовершенной, противопоставляя ей классификацию «выдающегося и тонкого знатока источниковедения» С.М. Каштанова (С. 360). Отметим, что эта характеристика ныне здравствующего уважаемого ученого, выступившего ответственным редактором его монографии, не вызывает сомнений. Но наблюдая определенную устойчивую тенденцию «двоемыслия» О.Н. Наумова, невольно возникает вопрос: что он впоследствии напишет об этом замечательном ученом, когда тот перестанет быть ему нужным?

Даже само название – вспомогательные исторические дисциплины, – на котором всегда настаивала Е.И. Каменцева, О.Н. Наумов заменяет теперь «специальными историческими», словно в пику своему учителю, утверждая, что прежнее название некорректно. Однако серьезного и доказательного обоснования более «корректной» терминологии он предпочел избежать.

Столь же искусственным О.Н. Наумову кажется выделение эмблематики в качестве самостоятельной дисциплины (отметим: эмблематике посвящена одна из работ Е.И. Каменцевой) (С. 64), хотя это научное направление и в западной науке, а теперь уже и в российской развивается довольно активно. Кстати говоря, сам О.Н. Наумов ранее, видимо, когда считал это для себя это полезным и потому обоснованным, совершенно спокойно обозначал эмблематику в качестве отдельного направления исследований (*Наумов О.Н.* Список печатных трудов Е.И. Каменцевой по геральдике, сфрагистике и эмблематике // Гербовед. М., 1995. № 7. С. 24–25) и даже писал, что «И.В. Борисовым разрабатываются научные и практические проблемы эмблематики, формирующейся в последние два десятилетия как научная дисциплина» (*Наумов О.Н.* Игорь Владимирович Борисов... С. 10).

Но теперь И.В. Борисов в истории геральдики, «по версии Наумова», оказывается в еще худшем положении. О.Н. Наумов в своей книге умудрился даже не упомянуть его кандидатской диссертации, защищенной еще в 1987 г., – первой отечественной диссертации, посвященной родовой геральдике (в то время как, например, о диссертациях ныне здравствующих Н.А. Соболевой и Г.В. Вилинбахова в тексте книги говорится). Более того, теперь труды И.В. Борисова объявляются «ничтожными» в научном отношении и кажется, нет таких уничижающих эпитетов, которыми О.Н. Наумов не «наградил» бы их: «низкого научного уровня», «грубые недостатки», «ими фактически нельзя пользоваться» и т. д., и т. п. (С. 370, 381–383, 384–385).

Действительно, ряд работ И.В. Борисова содержит некоторые фактические неточности и ошибки, не вполне безупречную подачу архивных материалов, сокращения текстов (что, кстати, не редкость в современных публикациях письменных источников), но это отнюдь не уничтожает их научного значения и важности для определенного этапа возрождения российской геральдики (и тем более не представляет собой примера фальсификации, т. е. сознательного искажения источников, в чем И.В. Борисова прямо обвиняет Наумов). Когда-то это было очевидным и для О.Н. Наумова: «Благодаря трудам И.В. Борисова в научный оборот вошло множество никем ранее не использовавшихся архивных источников и фактического материала. Им создана история практической и научной родовой геральдики России, заложены основы геральдического источниковедения, продолжены прерванные 1917 г. научные проекты, высказаны новые, перспективные идеи» (*Наумов О.Н.* Игорь Владимирович Борисов... С. 10). Но ныне ситуация изменилась на прямо противоположную, ведь мертвые, как говорится, не ответят...

Следует сказать, что работы и других ученых нередко получают у О.Н. Наумова необоснованную нелюбезную характеристику. Причем зачастую он критикует их не за то, что в их трудах есть, а за то, чего там нет, – прием вообще-то не вполне корректный. Так, А.Е. Махов в своем предисловии к переизданию «Символов и эмблемата» умалчивает о роли этой книги в развитии русской геральдики (С. 386), хотя выяснение этой роли, возможно, и не входило в задачу автора предисловия к новому изданию. Не указывая многих исследователей или упоминая их только в негативном смысле, О.Н. Наумов тем не менее вполне положительно оценивает сомнительные философские рассуждения и публикации Г.В. Ражнёва, а книгу Г.В. Ражнёва и Н.Г. Ран-

чуговой «Двуглавый орел в культуре России, Востока и Запада: социальные представления», лишенную ссылок на источники изображений, именуует работой «глобального» уровня, благодаря которой «появляется возможность устанавливать генезис изображений и их взаимное влияние друг на друга» (С. 327). Положительной оценки автора удостоивается в действительности весьма поверхностная книга-альбом В.А. Лебедева, также посвященная двуглавному орлу, а целый ряд откровенно псевдонаучных публикаций, как, например, эмигрантская работа В.С. Новикова или книги художника А.Г. Силаева, соседствуют с серьезной научной литературой. Автор даже уделяет место паранаучным концепциям Носовского и Фоменко (С. 359–360), вообще находящимся за пределами какой бы то ни было историографии.

Понятно, что упоминание и аннотирование подобных сочинений необходимо О.Н. Наумову для создания впечатления всеобъемлющего охвата работ по геральдике самого разного, пусть даже совсем невысокого, уровня. Это позволяет ему утверждать, что печатные материалы «привлечены с исчерпывающей полнотой – более 3000 работ» (С. 16), и закамуфлировать замалчивание работ авторов, пристрастно исключенных им из своего варианта истории геральдики.

При этом О.Н. Наумов в очень небольшой степени учитывает взаимосвязь геральдики с традиционно близкими ей дисциплинами, например с нумизматикой. Он даже не упоминает советские нумизматические исследования 50–80-х годов прошлого века, в которых рассматривались геральдические сюжеты. Примерами служат книги и статьи В.М. Потина, В.Н. Рябцевича и И.И. Синчука (геральдика европейских монет, личные дворянские гербы на польских монетах XVI–XVII вв.), Н.Д. Мец и А.С. Мельниковой (об отражении в геральдическом оформлении русских денег политических изменений в жизни страны в XX в.), Д.Г. Капанадзе и Е.А. Пахомова (родовые знаки Багратидов на грузинских монетах), Д.Я. Фёдорова (гербы на монетах Прибалтики) и др. Такие работы не только касались отдельных вопросов геральдики, но поддерживали интерес к этой науке в СССР в период, когда сама ее необходимость ставилась под сомнение.

О.Н. Наумов не дает оценки даже основательным каталогам В.В. Узденикова (1919–2008) по русским монетам 1700–1917 гг., где были подробно рассмотрены государственные и территориальные гербы, помещенные на монетах. Эти книги одного из наиболее авторитетных отечественных нумизматов оказали огромное влияние на распространение знаний по геральдике среди

работников музеев, где имелись нумизматические фонды, и среди коллекционеров старинных монет. Из всех работ В.В. Узденикова автор упомянул в тексте только изданную в 1998 г. книгу о геральдическом оформлении российских монет, снабдив комментарием: «Сугубо нумизматический метод поштемпельного анализа, удачно использованный В.В. Уздениковым, позволил на качественно новом уровне осмыслить визуальные модификации двуглавого орла» (С. 347). Такое удивительное заявление показывает не вполне верное понимание О.Н. Наумовым терминологии нумизматики. Видимо, он что-то слышал о некоем методе поштемпельного анализа, но совсем не представляет его сути. В процессе ручной чеканки монет, когда один из штемпелей изнашивался, то парный ему еще продолжал использоваться, но в сочетании уже с другим штемпелем, взятым вместо изношенного. Так получались «родственные» монеты, связанные по одному из штемпелей. Анализ штемпельных связей позволяет исследователю построить хронологический ряд монет, чеканенных на одном монетном дворе. Однако В.В. Уздеников никогда не применял этот метод в своих исследованиях, поскольку он писал о монетах машинной чеканки Императорского периода, на которых имеются даты, а поштемпельный анализ используется для работы с более ранними монетами XIV–XVII вв., чеканенными вручную несопряженными штемпелями и в основном не датированными. В книге О.Н. Наумова проигнорированы и многие нумизматические исследования конца XX – начала XXI в., касающиеся геральдических сюжетов. Их спектр достаточно широк – от простого описания герба при атрибуции монеты до работ, специально посвященных монетной и медальной геральдике.

В отношении также близкой геральдике бонистики О.Н. Наумов со ссылкой на единственную малозначимую компилятивную статью, опубликованную в 1999 г., заявляет, что «впервые изучались геральдические аспекты в бонистике» (С. 347). Очевидно, ему просто не известен огромный пласт публикаций по истории бумажных денег и ценных бумаг. Библиографический указатель по бонистике, опубликованный в 2006 г. А.Г. Барановым, М.В. Абросимовым и Ю.А. Артемьевым содержит 4393 наименования книг и статей. Многие были посвящены периоду революции и Гражданской войны, когда на денежных знаках отмечено большое разнообразие самых разных геральдических символов. В публикациях можно видеть описания гербов на банкнотах, анализ причин использования тех или иных символов разными властями и организациями, рассмотрение вариантов гербов и т. п. Вся эта работа бонистов в области геральдики О.Н. Наумовым вообще не учитывается. Это тем более

странно, что в ряде бонистических каталогов даже присутствуют специальные геральдические разделы. В качестве примера можно взять вышедший колоссальным тиражом (200 000 экз.) и более чем доступный каталог А.И. Малышева, В.И. Таранкова, И.Н. Смиренного «Бумажные денежные знаки России и СССР» (М, 1991), где среди справочных материалов дан раздел «Гербы, помещавшиеся на денежных знаках России и СССР». Иными словами, геральдика воспринимается О.Н. Наумовым как некая «вещь в себе», находящаяся в слабой связи с другими вспомогательными историческими дисциплинами.

Нужно отметить, что, критикуя «обзорность», сам О.Н. Наумов нередко представляет читателю обычный историографический обзор. Причем иногда он повторяет ошибки или неточности более ранних исследований. Например, он пишет, что в одной из своих работ А.В. Орешников установил «два важнейших факта», один из которых – «что первое изображение орла как воспроизведение восточной эмблемы на русской монете относилось к концу XIV в.» (С. 170), хотя этот вывод был опровергнут дальнейшими исследованиями. В.К. Лукомский установил, как отмечает О.Н. Наумов, что гербовник Марка Амброзиуса «заимствовал изображение из “Хроники Констанцкого собора 1413 г.”, составленной в 1483 г. К. Грюненбургом» (С. 258), хотя автором этой Хроники был У. Фон Рихенталь, а не К. Грюненберг. Историография вообще рассматривается О.Н. Наумовым по преимуществу как нечто изолированное. В книге отсутствует идейно-политический, культурно-исторический и общеисториографический контекст – создается впечатление, что научная геральдика в России развивалась в отрыве от развития исторической науки в целом, как в России, так и за рубежом. Что на нее мало влияли те или иные общекультурные или идейно-политические установки, за исключением советского времени, когда геральдика оказалась в числе практически забытых наук. Отсюда и все эти хлесткие обвинения с позиций сегодняшнего дня, почти без учета того, что историография есть такой же «продукт» своей эпохи, как и другие области исторического знания. Представления же О.Н. Наумова об историографии в целом характеризует, например, использование им термина «дворянская историография», характерного как раз для историографической науки советского периода (С. 189).

Результаты своих наблюдений О.Н. Наумов стремится представить как можно более научными. Для этого им активно используется разнообразная терминология, которая в данном случае приобретает псевдонаучный характер. «Семантический агностицизм»,

«инвариантная дефиниция», «антиномии», «визуальная парадигма» – все эти и многочисленные подобные термины в избытке рассыпаны в тексте книги. На неискушенного читателя они, видимо, должны произвести впечатление сугубой научности, однако их употребление в любом труде все же должно быть обоснованным. Но в книге О.Н. Наумова использование таких терминов носит явно избыточный характер и имеет цель прикрыть очевидность и тривиальность многих наблюдений и выводов особым, «научным языком». При этом некоторые термины употребляются не вполне точно – так «страта» понимается им как «уровень» (С. 77), хотя этот социологический термин означает социальный слой или общность. А группы родовых гербов, оказывается, могут стать «предметом самостоятельного дискурса» (С. 249), как и идеи одного из геральдистов выдавались за «результаты собственного дискурса» (С. 259) – понятно, что теперь это слово можно применять к чему угодно, но все же остаются общепризнанные рамки.

Заменяя последовательно слово «общество» на «социум», «исследование» на «дискурс» (что неверно) и т. д., наполняя текст всевозможными терминами современной гуманитарной науки, излагая банальные вещи высоким «научным» штилем, отсекая целые пласты геральдической историографии и давая субъективные оценки оставшимся, О.Н. Наумов являет «оригинальную» концепцию истории научной геральдики в России, в полной степени соответствующую всем тем недостаткам, за которые он нещадно критикует предшественников и коллег. Но главное – он сознательно вносит искажения в историю развития отечественной научной геральдики, делая ее объектом фальсификации.